

— А если вспомнить «Слово о полку Игореве», в котором немало языческих аллюзий...

— Совершенно справедливо. «Слово» не просто пронизано языческими реминисценциями, оно полностью включено в ткань придворной дружинно-княжеской эпической культуры, которая тогда ещё была насквозь проткана живыми образами языческого прошлого. Понятно, что для автора поэмы, христианина, Хорс или Дажьбог — это не реальные божества. Но для него как художника языческое прошлое существует в виде *живой* поэтической данности. Потому что в основе любого язычества лежит анимизм — одухотворение природных объектов и явлений. А природа, родная природа, она всегда рядом, она не может уйти из человеческого сознания. И знакомые с детства автору и его слушателям языческие образы оказываются близки и удобны для выражения чувств и мыслей...

В этом смысле язычество ещё очень долго не покидало русской культуры, оно и сейчас не покинуло её до конца. И дело здесь не в двоеверии, не в народной демонологии, не в домовых и леших (хотя и в них тоже!), а главным образом в естественной для человека, для его художественного сознания анимизации природного окружения.

Но всё же мы не можем не видеть, не чувствовать, не понимать, что с Крещением Руси совершился коренной культурный — а тем самым и социальный, и государственный — перелом, менявший все параметры бытия. Государственный горизонт раздвинулся до пределов экмены. Что такое язычество? Понятие происходит от слова «язык», то есть народ, этнос. Язычник живёт в своём этническом, обычно родоплеменном мире, его кругозор ограничен интересами клана, круга родичей. Принятие христианства дало Руси, с одной стороны, внутреннюю консолидацию, а с другой — радикальное расширение государственно-политической и культурной перспективы. Ещё раз повторю, что именно после Крещения родился *народ Руси*, а до того были восточные славяне, отождествлявшие себя со своим родом-племенем, но не с государством киевских князей, которое было для него чем-то внешним, даже, скорее, враждебным.

Успехи государственного становления на протяжении всего X века — налицо. Мы видим, что государство крепнет, дифференцируются его функции, усложняется аппарат и так далее. И на таком фоне всё более явным становился дефицит идеологической компоненты, способной подытожить это государственное развитие.

— И здесь мы никак не можем пройти мимо личности князя Владимира Святославича. Какой предстаёт в намеченной Вами перспективе его «многоглаголемая» языческая реформа?

— Да, эта реформа — явление, безусловно, многозначительное. Князь принял за неё сразу после своего утверждения на киевском столе в 978 году (по летописной хронологии — в 980-м). Следовательно, Владимир как правитель, как государственный деятель придавал большое значение этой проблеме.

Но что же конкретно представляла собой языческая реформа Владимира? Здесь, на мой взгляд, в историографии уже давно внешнее единство мнений прикрывает некоторую невнятицу сути. Говорят, будто Владимир создал некий общерусский языческий пантеон: собрал богов из разных земель и выставил их для поклонения на Старокиевской горе. Но мы знаем состав пантеона Владимира по летописи, и у нас нет ровно никаких оснований считать, что Перун, скажем — полянский бог, какая-нибудь Мокошь — радимичская, Хорс — северянский... Скорее всего, перед нами круг божеств, почитавшихся именно на Киевщине, в Среднем Поднепровье. В пользу этого говорит, например, тот факт, что Хорс и Симаргл, судя по именам, имели иранское (сармато-аланское) происхождение, а значит, могли прижиться в славянском мире только на юге, на границе со степью. Тогда в чём же реформа? Где же здесь усилие государственной воли?

Мне кажется, большинство комментаторов проходят мимо одного важного момента, который в летописи представлен вполне ясно. Владимир не просто воздвигает кумиры — он *выносит их из теремного двора*, то есть ставит в общедоступном месте. Нельзя сказать, чтобы это обстоятельство оставалось совсем незамеченным, на его важность указывал, например, известный русский этнограф Е. А. Аничков, но его замечание не произвело впечатления в науке. Между тем вдумаясь: идолы перемещаются из пространства княжеского дворца, где они являлись предметом поклонения лишь самого князя и его ближайшего окружения, дружины, и становятся доступны для народа. И не просто доступны — обязательны для почитания всех киевлян. Династический княжеско-дружинный культ претендует теперь на то, чтобы стать общегородским, в перспективе — общегосударственным: вспомним, что одновременно такая же кумирня устраивается и в Новгороде.

— То есть, суть реформы — единение не столько этническое, сколько социальное?..

— Именно так. В решении князя Владимира отчётливо виден социально консолидирующий смысл — и состоял он в том, чтобы объединить вокруг княжеских богов религиозную жизнь всех киевлян, всего народа.

Я не стал бы выносить вердикт относительно того, насколько успешна или неуспешна была эта реформа, на основании только её кратковременности. Быть может, она прожила бы и дольше, если бы не внешнеполитически удобный для Крещения момент, который Владимир как правитель не только дальновидный, но и практичный постарался вполне использовать.

— Но ведь это означает, что он хотел именно так использовать этот случай, был определённым образом мотивирован...

— Разумеется. История с языческой реформой как раз очень внятно подсказывает нам, что в стратегических планах князя религиозный вопрос присутствовал на одном из первых мест. И потому можно догадываться, что в его личных духовных исканиях вопрос принятия новой веры возникал ещё до событий 987/988 года.

— Однажды Вы это выразили следующим образом: в Крещении Руси сопрягаются логика личной судьбы Владимира и логика истории. Как можно понять это удивительное сочетание объективного и индивидуально-субъективного начал?

— Спасительный якорь здесь нам снова бросает митрополит Иларион. Для него тоже существовала дилемма личного подвига Владимира и его государственного дерзания. Замечателен ряд риторических, внешне недоуменных восклицаний в иларионовой Похвале Владимиру: как же так? ты не видел апостола, пришедшего в твою землю, а Слово принял, другие же и апостолов слышали, а Слово гнали... «Как же тебе сердце разверзется? Како въниде в ты страх Божий?»

Для Илариона было очень важно осмыслить, как соединилась прагматика политического момента с глубоко сокровенными исканиями Владимира как человека, с тем благодатным личным прорывом князя ко Христу, следствием которого стало и Крещение Руси. В этой внешней и очень характерной для христианства парадоксии (не видел — и уверовал!) для Илариона в то же время и заключается ответ. Ведь пафос христианства как религии (выразимся несколько просто-душно) во многом основывается именно на такой парадоксии. Сама суть христианства — воплощение Слова, реальное присутствие трансцендентного в тварном мире — глубоко антиномична. Неизбывное ощущение свершившегося и постоян-